

84(2Рос-Р4с)6
X с32

Дмитрий Сергеев

За час до рассвета

Дмитрий Сергеев

За час до рассвета

Книга стихов

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. МАНДРИКИ

Тюмень, 2001

- 69720 -

ББК 84(2Рос=Рус)6
К С 32

С 32 СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич
За час до рассвета: Книга стихов. —
Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001.
— 112 с.

Новый сборник стихов сургутского поэта Дмитрия Сергеева — новая грань творчества северного автора.

- © Сергеев Д.А., 2001
© Кухтерин А.С. (обложка), 2001.
© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2001.

ISBN 5-93020-111-0

Выражаю благодарность
ООО «Сургутгазпром» за помощь
в издании книги
Автор

Свет во мгле суеты

Простота обманчива. Есть святая простота старушки, которая заботливо подбросила дровец в костер в 1415 г. На нем сожгли великого реформатора и просветителя Яна Гуса. Иная простота хуже воровства, особенно в литературе и искусстве. Есть пастернаковская неслыханная простота, как ересь зрелого периода творчества. Но в кушах российского постмодернизма, и сегодня влиятельного направления культурной жизни, простота, древняя основательность гуманистических принципов отрицается начисто. Лихие прогрессоры в РФ на все лады повторяют западные эстетические заклички 1970-х годов: «Бог умер, человек стал зверем, классический человек с нравственными табу умер, мир лежит во зле! Да здравствует эстетика зла! Расслабляйтесь, наслаждайтесь, оттягивайтесь! «Тэфаль» думает о нас (страшный рекламный слоган — не хомо сапиенс, а машина подменила человека)! Искусство — лишь свободная виртуальная игра, забавляющая людей!».

В угоду новым модам божественно-духовному назначению культуры изменили

даже вчерашние толстые перестроечные журналы — недавние наши светочи добра и умных парадоксов: «Новый мир» и «Знамя», «Октябрь» и «Огонек». К 2001 году постмодерновый шабаш в российской литературе поддерживается ведущими электронными СМИ, сотнями глянцевого журналов, хорошими тиражами книг и разветвленной сетью распространения по всей России.

Политика — лишь концентрированное выражение современной глобальной, транснациональной, судорожно-потребительской экономики. Попсовая жвачка, масс-медиа заполонили российскую культуру. Казалось бы, в этих условиях, помимо старых крупных финансово-промышленных центров РФ, те региональные топоры, локусы (территории, отличные своеобразием всего комплекса жизнедеятельности, образа жизни), которые в годы рыночных реформ сохранили относительное благополучие, должны были бы полностью отдаться прогрессорам постмодерна. Так, кстати, произошло в Самаре, Саратове, Екатеринбурге... А вот в Югре случилась осечка.

К началу XXI века здесь оформились и развиваются три основных культурных гнезда. В Ханты-Мансийске, Сургуте и Нижневартовске.

В Сургуте местные литераторы придерживаются традиционных духовно-культур-

ных отечественных ценностей, по-своему обновляют гуманистическую эстетику, проявляя интерес к авангардным веяниям, тяготеют к современному художественному качеству русского реализма, обогащая его эстетикой фэнтэзи (наличие в героях сверхразумных свойств и духовных сил, способных изменять обычный мир), компьютерными фишками, парадоксами перенасыщенного информационными потоками сознания. Одним словом, в Сургуте лидирует свой вариант современного метареализма.

Простота постановки им вечных вопросов русского человека, поиски югорского Беловодья, новой гармонии с природой обусловлены в Югре возникшим в конце 1980-х годов интересом к естественно-природной цивилизации и культуре ханты и манси. Посильное содействие их возрождению делают современную югорскую литературу объективным фактором не только местного, но и российского значения. Один из лидеров ее — сургутский литератор, поэт и прозаик, известный журналист Д. Сергеев.

Его новая книга выходит в свет в год 45-летия автора. «Сорокалетье — строгая пора», — в свое время заметил Е. Евтушенко и женился то ли в третий, то ли в четвертый раз. И то ли в четвертый, то ли в пятый раз изменил направление своего письма.

Сергеев — удивительно постоянен в творческих исканиях. Он словно заново осваивает суровый край — новую родину, неуклонно и поступательно усложняя и углубляя традиционную натурфилософскую линию, начатую русскими любомудрами-поэтами еще в 1820-е годы. Выбрав, казалось бы, такие простые жанры нашей повествовательной лирики, как дружеское послание, элегическая миниатюра по поводу погоды, пиршественного стола и пейзажа за окном, бытовая зарисовка, психологическая рефлексия на типичные «скромные» ситуации на вокзале, на теплоходе, на улице и др., Сергеев открыл собственный оригинальный поэтический стиль в годы, когда «души и умы не греет нашей жизни проза».

Его поэзия естественна, как дыхание неразорванного черными страстями человека, она бескорыстна и предельно добра. Но, в отличие от любимых им шестидесятников, братьев Стругацких, Сергеев действует, налаживает оборванные бездушием, ожесточением человеческие связи не в миру гудящих мегаполисов, шумных проспектов, массовых общественных событий, а в той скромной, обычной социально-бытовой обстановке, в которой живет он сам и его герои (цикл интимной лирики этой книги с названием «Жизнь порой неистово любила...»). Духовно-поэтический мир автора нео-

жиданно рвется из границ своего микромира, сургутского локуса. Его талант в том, что никто до него не воспел женское изваяние как «сургутскую Аврору», да еще на югорском морозе. Его лирический герой — «За час до рассвета» — в ночь любви вдруг понимает, что не надо ответов, довольно вопросов, чтобы сохранить свежесть чувств. Он закликает вернуть в опошленную ныне сексом страсть вселенскую любовь ко всему живущему миру. И тогда возникает видение той тверди, которая должна быть освоена человеком, хранима им. Но это дано лишь нашему поэту, и он одинок, ибо видит таким мир только сам. Отчужденным от других людей серой прозой бытия. Так родилась замечательная элегия Сергеева:

Иней на травах тает. Ярчает зелень.

Первые листья, падая,
льнут к асфальту.

Осень берез касается еле-еле,

В крошево малахита
вкрапляя смальту...

Ведь пока «мир похож на бредни Голливуда», «уходит век, разгромлена страна...». Остается лишь надеяться на равновесие экологии своей души и экологического баланса югорской природы там, куда не пришли еще техногенные прогрессоры. Нравственное кредо, с которым Сергеев вступил в новый век, обнадеживает и его,

и понимающих его людей: «Одного прошу у Бога: силы-воли быть собой».

Он родился в Донбассе (1956 г.), освоил токарное дело, тянул армейскую лямку. Закончил исторический факультет Донецкого университета, в котором и сейчас сохранилась известная в Европе культурологическая школа М. Гиршмана, а тонус культурной жизни всегда был высок. Судьба забросила Сергеева в Сургут в 1984 г., открыла ему двери в журналистику. В 1987 г. его принимают в Союз журналистов страны.

Литературное творчество увлекло Сергеева еще в юности. Были публикации во всероссийской прессе, многие произведения появились в региональных журналах: «Югра», «Лукич», альманахе «Эринтур». Литературно-художественная жизнь своего сургутского гнезда Сергеев, пожалуй, освещает лучше многих. Еще при жизни П. Бахлыкова, угутского краеведа и энциклопедиста, он тактично и виртуозно развеял все недоразумения вокруг публикации в тюменском издательстве «СофтДизайн» романа-сказания «Медвежья падь» (статья в «Северном доме»).

Творческий огонь, самобытный стиль письма Сергеева не принимает натужного строкогонства. Это видно в его публикациях в художественно-публицистических сборниках — «Сургут поэтический», «Праз-

дник первого снега» и др. Даже в таком сугубо строгом официальном издании, как справочник «Сургутский район», можно встретить авторские эмоции, индивидуальное эстетическое отношение к материалу.

Первой книгой Сергеева стал сборник фантастических рассказов «Ложная дверь» (1993). Автор сразу же обнаружил свое искусство мастерски выстраивать напряженную интригу, дозированное использование вошедших в моду приемов готической фантастики, фэнтэзи, мистико-сюрреалистических элементов. Здесь он особо не отличался от линии постсоветской фантастики, однако уже тогда ирония, юмор и сатира помогали ему сохранить человеческое тепло жизни, утверждать позитивные нравственные ценности, не скатиться в чрево вампирно-порнушного безобразия. Хотя многие герои и коллизии отчетливо напоминали братьев Стругацких, ситуации из их повестей: «Трудно быть богом», «Попытка к бегству», «Далекая радуга», «Лес»...

Сорокалетие Сергеев отметил выходом первой своей книги стихов «Куда улетают халеи...» (Тюмень, «СофтДизайн», 1996). Мое предисловие к ней было принципиально названо «Не позволяй душе лениться», поскольку сборник указывал на серьезность творческих притязаний, на перспективу избранного пути в натурфилософском духе

(стихи об Югре и природе, весне в Сургуте, «Ослик», экологическая тема, гражданственная лирика, «Предутреннее» и др.).

Кстати, многие вещи: «Отъезд», «Окно приотворю...», «Как воздух свеж...», «Сколько нам учиться, чтобы видеть...» и др. — Сергеев перенес в новую книгу. Тем лучше видна его дорога, усложнение поэтического маршрута, углубление лирической рефлексии и познания современного человека, живущего в Югре.

В 1999 году Сергеев выпускает в издательстве Ю. Мандрики сборник (как напечатано) «фантастических былей» под названием «Изнанка мира». Книга своеобразная, ибо в острой, зачастую «детективной» форме автор решает новые миросущностные проблемы, которые человечество навязало самому себе. Сергеев решает их, проигрывая разные варианты, вплоть до уничтожающей землю волны Апокалипсиса (рассказ «Зал ожидания»). Рассказ тревожит, и суровый зал ожидания есть символическая метафора нашего безликого одномерного существования. словно мы все собрались на странном вокзале, откуда никуда уже не идут поезда, и обреченно ждем гибели. Причины ее (рассказ «Фобос») — в разрыве житнетворной пуповины с вечно обновляющейся природой. Отмечу, что тут талантливо выписан спрут («Меч возмездия»)

заблудшему человечеству. Инопсихология живого существа, пытающегося вернуть утраченные контакты (влияние праюгорской мифологии).

«Жизнь внутри» — на самом деле маленькая повесть-протест против заигравшихся технотронных гуру. Тому свидетельство — американская катастрофа 11 сентября с.г. А вот «Ложная дверь» (тоже маленькая повесть) — блеск. Сергеев переиначил бесчеловечную эстетику постмодернизма, переиначил его приемы. Получился хороший постмодерн, позволяющий нам надеяться на преодоление навязчивых фобий, возможно, косвенного негативного влияния запредельных миров на наше сознание. Пора признать, что они есть, ибо много людей ощущают их как свою психологическую амбивалентность, реальные, пусть и психические, контакты.

Новая книга действительно пересоздает нашу жизнь «за час до рассвета», ибо позитивно-гуманистическая поэзия Сергеева, отвергающая страшные черты текущего времени, надеется на очередной в нашей истории очистительный выход солнца. В первой части («На полотне холодного простора...») утверждается полнокровное, берегущее календарь жизни (новогоднее послание 1990-му, 91-му...) самобытие автора.

Новые материалы, новая поэтическая география («Югра. Времена года») — окрест Сур-

гута: Лянтор и Тром-Аган, Сургут и Угут... Воды Большого Югана гладят стальные борта, «день остается всенощного праха» и зимняя белизна лечит своим простором, а в югорское «Лето» медленно заходит на посадку над пышным лугом ярко-желтый шмель. Духовная доминанта — новое начало в поэзии Сергеева. Как точно увидено, что вырос поселок (к лучшему) на купол, на крест. Но борьба хаоса и космоса, тьмы и света в душе лирического героя не дают ему раствориться в массовой религиозной моде. Сергеев честен и правдив, говоря о непростой оппозиции «Бог и человек»: «И каждой клеткой ощущаю Бога, В которого не верю по утрам».

Популярные ныне мотивы «ночной» лирики, самолюбование хаотическим тщеславием подсознания у нашего поэта направлены на поиск «света во мгле суеты». Таков выбор пути, действия, сопротивление автора («Вторую ночь не пишется, не спится...»). Потому преодолимы «вампирные» мотивы в ссоре с любимой, «Потоп» на сургутской улице, «Охота на собак». Наиболее реальная сфера действия — экологические мотивы («Меняя облик матери-Земли», мы удаляемся от живой природы), когда «скажешь внуку: «Здесь росли березы», — И поправишь противогаз»).

Новые грани мастерства видны в том, как поэт переиначивает поговорки: «Утро

вечера добрее» вместо «мудрей». Сомнение, нужна ли людям поэзия в век РС, развеиваются утром при прощании с Музой, хотя и «корчил рожи иномирный человек».

Отдав дань «освоителям» сурового края, снова посетив Монмартр в Париже и вглядевшись в живопись Писсаро, минуя «Кандидата в депутаты», как неизбежную грязную фигуру нынешней политической смуты, Сергеев поднимается к высотам Тютчева и Фета, из ныне живущих Ю.А. Кушнера и Ю. Кузнецова.

К философскому взгляду на мир, выстраивая свою замечательную элегию «Между бурых болот заплутала тропа...», как мужественный поединок со свинцовыми мерзостями жизни, как трагедию современного сознания, которую надо переносить с достоинством и честью:

Из клубящейся тьмы донеслись голоса,
Холодящие вены,

Будто в дальних, густых,

непроглядных лесах

Звонко пели сирены...

Югорский Улисс XXI века предлагает нам свой поэтический фарватер между Сциллой, обуявшей людей духовно-нравственной катастрофы, и Харибдой потребительского хищнического общества. Он плывет в узком и опасном проливе, куда загнала нас очередная российская истори-

ческая перверзия. Плывет первым, подавая знак читателям, что готов разведать небезопасный путь к новой, пусть сложной, но очищающей от бед жизни.

Вл. Рогачов,
кандидат филологических наук

I. «На полотне
холодного простора...»

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

* * *

Звезды над Пимом —
ярчайший хантыйский бисер.
В Кассиопее
застыли рога олени,
И тишина
отдается в безбрежной выси
Неугомонной
едва уловимой звенью.

Пара медведиц
на небе виднее прочих
Ярких созвездий.
И именно в эту пору
В каждом движении
летней приобской ночи,
В реках, лесах и звездах
таится Торум.

Осень на Тром-Агане

Сентябрь тепло с собой унес,
И ветер, силы не жалея,
Под крик настырного халея
Горстями листья рвет с берез.

Сосна качает головой,
Везде — от края и до края —
Рябины, тихо догорая,
Все реже шепчутся листвою.

Повеяв легкою тоской,
Несмелый снег сорвался рано
На блеклый берег Тром-Агана
И на лобазы в Руссинской.

Поздняя

Запоздала. Мерзнут крылья.
Долетишь? Не долетишь?
Бледный месяц тучи скрыли.
Беспредельность. Холод. Тишь.

Ночь сгущается. Устала.
Слышен посвист дальних выюг.
Как от стаи ты отстала,
Улетающей на юг?

Отогреться доведется ль
В южном пальмовом раю,
Или все-таки придется
Околеть в родном краю?

Ранней весной

Где-то травы взошли, и цветы
Распускаются, радуя взгляды.
А у нас? Ах, весна, разве ты
Не успела погладить наряды?

Солнце выбралось, как на парад,
Даже ветер насыщен лучами,
Каждый куст свету яркому рад,
Но крепчают морозы ночами,

И снега не спешат убежать
По прогалинам талой водою,
Им в лесах еще долго лежать
Под холодной Полярной звездой.

Пусть недавно метели мели,
Ощущают береза с сосною
Пробуждение мерзлой земли,
Да и в воздухе пахнет весной.

Буря

Дерево трется о крышу,
Плачет с порывами ветра,
Ветреной ночью я слышу
Плач тот за несколько метров.

Что отделяют от крыши
Темную спальню с кроватью,
Буря за окнами дышит,
Пробую спать я.

Но ничего не выходит,
Ветер осину колышет,
Дрожь через крону проходит,
Дерево трется о крышу.

Жалобный стон раздается.
Буря, уймись же, довольно!
Ветер надрывно смеется,
Дереву больно.

* * *

Вечер солнце закатил
За вершины сосен.
В небе тысячи светил,
Как икра лосося.

Но не россыпи икры
Заиграли светом —
То далекие миры
Шлют свои приветы.

Окна множества квартир
Вспыхнули в ответ им —
Там у каждого свой мир
И свои планеты.

* * *

Окно приотворю: так воздух свеж...
Июньский снег,
 на странный сон похожий,
Едва не скачет мерзнущий прохожий,
Кляня прогноз
 и призрачность надежд.

Прозрачный полог ляжет от крыльца
До края улиц медленно и зыбко —
Былой зимы несмелая улыбка,
Которая вот-вот сползет с лица.

И будет долгим-долгим бледный день,
Ползущий неотступно
 к смуглой ночи,
Которая быть звездной не захочет —
Такой период, а не просто лень.

Морозной ночью

Мерзнут пальцы.

Сегодня — за сорок,
Снег пушист и приятно хрустит,
Горизонт заалет не скоро,
Старый лес на пригорке грустит.

Неизменная и в зиму, и летом,
Этой ночью ясна и полна,
Истекая таинственным светом,
В черном небе застыла луна.

На разлапистых ветках иголки
В лунном свете, сверкая, манят,
И стоят, как стеклянные, елки,
Так и кажется: тронь — зазвенят.

Метель

Сегодня в городе метель,
Трепещут сосны, гнется ель,
Едва заметны фонари,
Все смутно, сколько ни смотри.

Меня домой ведет тропа,
Она чуть шире, чем стопа,
А снег по-прежнему валит
На Черный Мыс и Арболит,
На Набережную, на храм,
Недавно выстроенный там.

Я будто в снежном шалаше,
Но как-то радостно душе,
И в такт шагам она поет.
Метель метет! Метель метет!

Закат

Черные птицы
на красном снегу.
Солнце садится
на том берегу.
Запад — в пожаре весь,
теплится пусть
В гаснущем зареве
светлая грусть.

На Югане

В путь отправляемся рано,
Тянется след от винта,
Воды Большого Югана
Гладят стальные борта.

Чайка над стреженем реет —
Птице раздолье везде,
Краешек солнца не греет,
Блики горят на воде.

Издали кажется, будто
звезды всплывают со дна,
Катер идет до Угута —
Вот уж и пристань видна.

Зима в Лянторе

На полотне холодного простора,
Дрожа, восходит ранняя звезда,
Крадется тьма окраиной Лянтора,
Опасливо скользя по глади льда,
Укрывшего недавно воды Пима.
Сжимаются пределы зимних дней,
И наплывает ночь неотвратимо,
И тонет город в россыпях огней.

Сумерки

Горизонта полоска неровная
Гаснет — сумерки не превозмочь,
И встает из-за леса огромная,
Непроглядная, вязкая ночь.

Окна спят. Фонари изливаются
Яркой желчью, да света не впрок,
И мохнатые тени скрываются
За стволами осин у дорог.

Весна

Подтаяло, и на душе светлей.
Такая гулкость в воздухе окрест!
Зима тянулась вереницей дней,
Как долгий поезд через переезд.

И мир, устав от вечной белизны
Ее уже слежавшихся снегов,
Встречает приближение весны,
Вникая в каждый звук ее шагов.

На рыбалке

Дрозда раскатистое пенье
Доносится издалека,
Наружу рвется в нетерпенье
Немая песня рыбака.

Рыбак и вслух бы спел, да ветер
Над речкой песню разнесет,
Возможно, дрозд ему ответит,
Но в глубину уйдет осетр.

Натюрморты

На столе в хрустальной вазе —

Три оранжевые ветки.

Каждый день роняет листья

Зрелой осени букет.

На столе в хрустальной вазе,

словно птицы в тесной клетке,

Три бессмысленные ветки,

На которых листьев нет.

Югра. Времена года

Вот зима на приобских просторах,
И ложатся обильно снега
На высокие крыши Лянтора
И на берег реки Тром-Аган.
Все проселки, тропинки, дороги,
Завывая, метель замела.
Увязают колена и ноги —
Труден путь от села до села.

Потому так весна дорога нам,
Вдаль ручьи с перезвоном бегут
Через лес до Большого Югана,
Где раскинулся старый Угут.
А потом надуваются почки,
В бесконечном таежном краю
Зеленеют болотные кочки,
И раскатисто птицы поют.

Вновь береза наряд свой надела,
Поют землю грибные дожди,
Только клюква пока не созрела —
Ты немного еще подожди.

Яркий свет льется на Русскинскую,
Так тепло и легко на душе,
Нам бы дольше погоду такую,
Но кончается лето уже.

Облетели цветы иван-чая,
Скоро станут и воды реки,
И попрятали федоровчане
Свои ягодные рюкзаки.
Ярки вечнозеленые елки,
Но с берез отпадает листва,
Погрустнели немного поселки,
И уже побелела трава.

Лето

Лишь только сходят вешние снега,
Цветным салютом вспыхивает лето,
И сразу столько благостного света
На обские спадает берега.

Желтеют одуванчики в траве,
И теплый ветер медленно качает
Родные силуэты белых чаек,
Таких приметных в яркой синеве.

Речные волны катятся на мель,
Когда проходят мимо теплоходы,
И на посадку медленно заходит
Над пышным лугом
 ярко-желтый шмель.

Но короток здесь благостный сезон,
Холодный дождь остуживает быстро.
На гребнях волн, тускнея,
 гаснут искры,
И кажется, что лето — только сон.

* * *

Еще горят на храме купола,
Табло часов показывает полночь,
А жизнь течет размеренно и полно.
И гладь реки задумчиво светла.

Рассыпать звезды вечер не сумел,
Бессонницей страдающая птица
На фонаре бессмысленно ютится,
Восходит месяц бледен и не смел.

Спуститься черной ночи не пора ль?
Но долго догорает день вчерашний
В порозовевших гранях синей башни,
Похожей на космический корабль.

II • «В деревне выросла церквушка...»

Освоители

Они уходили в тайгу,
Они покоряли болота,
И был им поселок Сургут
Надежным и верным оплотом.
Под резкие посвисты вьюг,
Сквозь рек темно-бурые воды
Тянулись на запад, на юг
Стремительно трубопроводы.
Сургут развивался и рос,
Вставали в Приобье поселки,
Где долгий свирепый мороз
До звона выстуживал елки.
От трудных, но славных годов
Остались итогом свершений
На картах кружки городов
И контуры месторождений.
Нефтяники, газовики,
Посменные вахты рабочих
В бассейне могучей реки,
Где летние белые ночи,

Где зимние сумерки дней,
На стыке веков год от года
Как прежде дают газ и нефть
Для блага страны и народа.

* * *

Вторую ночь не пишется, не спится,
А на дворе дожди и холода.
Грядет рассвет, и хочется напиться,
Но и не пьется — вот она, беда.

Томит желанье к музе прикоснуться,
Я слышу крыльев шелест неспроста,
Она близка, но стоит шевельнуться —
Пространство поглощает пустота.

Наверно,
 чей-то тайный злобный гений
Так неотступно мучает меня,
По комнате вдоль стен
 крадутся тени,
И вспыхивают отблески огня.

Я в странность бытия
 пытаюсь вникнуть,
Стремясь постигнуть
 призрачную суть,

А тени тают,
 чтобы вновь возникнуть,
И мне уже во снах не утонуть.

Я, поднимаясь, зажигаю свет.
Скорей бы окна озарил рассвет.

* * *

По равнине белой тянутся
Деревянные столбы.
Мы умрем, они останутся,
Словно линии судьбы.

Их не считано количество,
До деревни держат ряд,
Только нет там электричества,
Лампы в избах не горят.

Не несут столбы добротные
Ничего и никуда —
С них недавно безработные
Посрезали провода.

* * *

Так холодно, что лучше не вставать.
А лишь дремоте легкой отдаваясь,
Мечтать, весомость мыслям предавая,
И образы в сознание создавать.

Приятно книгу памяти листать,
Но сладкий миг

безжалостно отравлен:

Звенит будильник.

Он вчера поставлен

С расчетом, чтобы сразу не достать.

Поспешно прикорнув еще разок,
Ты в чайнике для кофе ставишь воду
И смотришь,

зная жесткий нрав природы,

На градусник в протаянный глазок.

Такой мороз!.. Что лучше не ходить
Ни в ближний магазин, ни на работу,
Но начат день, и разные работы
Тебя не перестанут теревить.

Еще заря над лесом не горит,
А ты в дубленку втискиваешь тело.
Забыв, как подниматься не хотелось,
Спешить к делам.

И холод лишь бодрит.

На вокзале

Томясь, изводится в страстях
Народа масса,
А дело в общем-то — пустяк:
Закрыта касса.

Я третий раз пью теплый чай,
Купил конфеты.
Чего метаться иль скучать?
Хвала буфету!

Толпа разбухла и кругом
Ползет, как тесто.
И в этом зале, и в другом
Все меньше места.

Стою в углу, гляжу в окно
На блики света.
Да я уехал бы давно!
Но нет билета...

Отъезд

На гребне крыши сонная ворона,
Уныл вокзал и мрачен город, но
Едва отчалит поезд от перрона,
Душа незримо выпорхнет в окно.

И будет поезд медленно, но верно
Под перебранку увальней колес
Везти меня, подрагивая нервно,
Среди весенних плачущих берез.

* * *

Частые дробные звуки,
В окна стучаться дождейки,
Ставят знакомые руки
Дней позабытых пластинку.

Нежно хранят в себе что-то
Ветхих альбомов страницы,
Смотрят с желтеющих фото
Нам незнакомые лица.

Тихая грусть поселилась
В странно пустующем кресле,
Что ж, коль звезда отсветила,
Не бесконечно все если.

Но, запинаясь немножко,
Снова пластинка играет,
А за раскрытым окошком
Пух с тополей облетает.

Раздумье

То монотонность, то контраст.
В заботах вертятся лета.
Но, если прав Еклезиаст,
На кой нам эта суета?

А пожелаем перемен —
Все будет хуже во сто крат.
Но каждый в бочке — Диоген,
А кто лысее — тот Сократ.

Талдычат каждый о своем,
Но, в общем, — это все одно.
А мы заздравные поем,
Идя на дно.

Встреча в горах

В горах я теплым вечером бродил.
Где воздух свеж
 (приморского не плоше),
Как призрак,
 вдруг коричневая лошадь
На тропке показалась впереди.

В вершинах дальних
 гасли краски дня,
Тропа, петляя,
 к склону тесно жалась,
Сгущался сумрак,
 лошадь приближалась,
Из-под бровей взирая на меня.

Невольно сердце замерло в груди,
Когда она слегка посторонилась
И очень четко (это не приснилось)
Сказала мне: «Не бойся, проходи!».

И я перекреститься был готов —
Кто ж в наважденьях дьявольских
не струсит, —
Но со словами «лошадь не укусит»
Ее хозяин вышел из кустов.

Потоп

На улице днем непогожим
Проезды дожди затопили,
И стали на лодки похожи
Сургутские автомобили.

На реки похожи дороги,
Теченьем неистовым полны,
И катят прохожим под ноги
Холодные серые волны.

* * *

Полная луна царит над миром.
Пой, кружись, неистово кричи —
Мы — два неменяемых вампира,
Над землей мятущихся в ночи.

Где-то кол осиновый строгают —
Быть бессмертным

можно ли посметь?

Но прошу поверь мне, дорогая,
Чем ползком по жизни,
лучше смерть.

На исходе нечего итожить,
Если мудрых сказок не слагать,
Лучше быть за гранью. Ну и что же,
Если это способ не солгать.

А стрелки давно наизготовке,
С неотступной мыслью в головах,
И глядят угрюмые винтовки,
И уже бессмысленны слова.

Поклониться выстрелу смогу ли? —
Нам с тобой поклоны не под стать.
И свистят серебряные пули,
Чтобы нам над миром не летать.

Охота на собак

За кустом таится что-то,
В тишине крадется кто-то,
И ночами на болотах
Раздается жуткий вой,
Или слышны шумы драки —
Это все отнюдь не враки:
Одичалые собаки
Бродят возле буровой.

По следам большим оленьим
Со всех ног бежать не лень им,
Остаются от оленей
Лишь копыта да рога.
Вот такие псовы трюки —
Не даются, злыдни, в руки,
Человек, конечно, друг им,
Но свобода дорога.

Пусть не нужен личный страж нам,
Все равно немножко страшно.
Может, псы всего мираж, но...
Лучше двери на засов.

Это случай не забавный,
Приказал наш местный главный,
И отряд собрался славный
Отстрелять коварных псов.

Невеселая работа
Эта странная охота.
Не смогла бы даже рота
Стаю разом истребить,
Ведь собака точно знает,
Что у нас, людей, бывает,
Что играет, что стреляет
И чего не может быть.

Над тайгою сумрак тает,
Стая словно улетает,
Но лохматый, что хромает,
Вдруг метнулся не туда.
Подкачала сила духа,
И влетела пуля в ухо,
Как проруха на старуху,
Так на рыжего — беда.

Не за ним лишь смерть явилась,
Белая остановилась,
Диким воем закатилась:
Жалко рыжего до слез.

И стояла в бледном свете,
С горя даже не заметив,
Как осенний влажный ветер
Семь дробинок ей принес.

Дальше людям нет дороги,
У погони вязнут ноги,
И охотники в итоге
Все повесили носы:
Не достать теперь. Чего там...
Все прошло бы как по нотам,
Но уходят по болотам
Недострелянные псы.

Новогоднее

День последний отгорит закатом,
Первый день зарею обагрит,
Сходятся значительные даты —
Новый год с прошедшим говорит.

Между первым и последним днями
Вспыхнут елки маревом свечей,
Ночь цветными вспенится огнями
И потоком праздничных речей.

У традиций есть такая сила,
Что сильнее, чем дней упорный ход
Сколько лет во всех концах России
Так же провожали старый год.

Мерно время полотно былого
Рассекало стрелками часов,
Год кончался, и маячил новый,
Гасло эхо давних голосов.

И теперь сквозь лет ушедших толщу
Нам из настоящего видны,

Как туманный лик опавшей рощи,
Блеклые картинки старины.

Но бесследно в сумрачную небыль
Не уходят старые года,
И глядит безвременное небо
Облаками в зеркало пруда.

Из ушедших лет сложились судьбы,
В них читая прошлое земли,
Мы порой мечтаем: заглянуть бы
В год грядущий, реюший вдали.

И мечте безудержной навстречу,
Легкою, невидимой рукой.
В сизой дымке новогодний вечер
Зажигает звезды над рекой.

* * *

Меня облик матери-Земли
Во благо человеческого рода,
Мы научиться так и не смогли
Жить в постоянной близости
к природе.

И в ящиках, где птицы не слышны,
Проводим время будней окаянных —
Живем в бетонных,
ездим в жестяных,
В конце концов почием
в деревянных.

* * *

Свою звезду на темном небосводе
Я узнаю в любом конце земли,
Когда в почет судьба меня возводит
И в дни, когда покоюсь на мели.

Едва она является над крышей,
Я восхожу к сиянию ее,
Внимаю миру, каждый шорох слышу
И точно знаю: это все мое.

В предвосхищенье яркого итога
Я мчусь вослед космическим ветрам
И каждой клеткой ощущаю Бога,
В которого не верю по утрам.

* * *

Обрета земли два метра,
Как вечерние гаснут зори,
В скорбном свете чужой печали
Те, кто не был, как грабли, прост.
И становятся песней ветра,
Превращаются в рокот моря,
Возвращаются криком чаек,
Вечным светом далеких звезд.

* * *

Суровы нравы северной зимы,
Но мы озябли так не от мороза,
А от того, что души и умы
Не согревает жизни нашей проза.

Что толку в утешительных словах?
Искать причин за окнами не надо,
Ведь если стынут мысли в головах,
То, без сомненья, не от снегопада.

* * *

Сколько написали вы, поэты!
Ваших всех стихов не сосчитать,
Но все это скоро канет в Лету,
И никто не станет вас читать.

И никто не снимет с книжной полки
Томик од, сонетов и поэм,
Скажут: от поэзии что толку
В век крутых компьютерных
систем?

* * *

В деревне выросла церквушка
Морозной раннею весной,
С крестом на купольной макушке,
И пахнет свежеею сосной.

Стройна,
с двускатной светлой крышей,
Нет краше здания окрест.
Деревня сразу стала выше
На целый купол. И на крест.

Последний день

Свет сочился тихо, мерно,
Гасли дальние светила,
К девяти часам, примерно,
Ночь рассвету уступила.

День родился белоснежный.
В чуть дрожащей сизой дымке
Розовело небо нежно
На морозе-невидимке.

Месяц ежился устало,
Тут и там порхали птицы,
А прохожих было мало —
В час такой приятно спится.

Примирившись после драки,
Что не хуже шерсти греет,
Дружно бегали собаки —
Утро вечера добрее.

Пылью изморозь слетала
С веток, свисших, словно плети.
По дорогам и кварталам
Шел последний день столетья.

III. «Жизнь порой неистово любила...»

* * *

Твой маленький портрет,
Так сердце замирает!
В глазах печали нет,
И мягок ранний свет.

Твой старенький потрет,
На нем еще играет
Не ведающий бед
Блик солнца давних лет.

* * *

Серп, закатом обожженный,
В окна светит с высоты.
Кошка смотрит напряженно
В зыбкий сумрак пустоты.

Наблюдается квартира
Виноградинами глаз:
Кошка видит грани мира,
Недоступные для нас.

Может, в комнате с балконом,
Нарушая мой уют,
Вопреки земным законам,
Звери жуткие снуют.

Может, к нам в жилища вхожий,
Но невидимый вовек,
Мне нахально корчит рожки
Иномирный человек.

Может, здесь проходят жрицы
Из глубоких субпространств,

Или пляшут танцовщицы
В дивном кружеве убранств.

Поздней ночью все возможно,
Кошка смотрит, вздыбив шерсть,
И становится тревожно:
В спальне точно кто-то есть.

Воспоминание

Черная ворона на заборе,
Призрачные тени на снегу,
А певица пела мне о море
И о днях на крымском берегу.

Бередила старая пластинка,
Все прошло, и жизнь уже не та,
А в глазах поблекшая картинка
Обретала прежние цвета.

Шелестели волны белой пеной,
Отражалась в море бирюза,
И смотрели так самозабвенно,
Словно ночь, бездонные глаза.

Отсверкали радужные блики,
На песке растаяли следы,
И воспели чайки дружным криком
Южный рай из солнца и воды.

Отзвучала песня, запинаясь,
За окном земля белым-бела.
Над снегами плавно поднимаясь,
Распластались черных два крыла.

Утро

Муза, словно женщина, с которой
Надлежит проститься поутру,
Удалилась. День нахлынет скоро,
Но восход тебе не по нутру.

Строк твоих иссякшая протока
Замерла. В ней рифмы не текут,
И, играя заревом востока,
Усмехнулся окнами Сургут.

Драма

Ты одна моя отрада,
Мне другой уже не надо,
Я тебе открою душу,
Чувства нежные храня.
Но, пройдя неспешно рядом,
Ты меня застрелишь взглядом
И уйдешь, не оглянувшись,
В свете меркнувшего дня.

* * *

За горизонт уходят облака,
Им никогда обратно не вернуться,
Они не могут даже оглянуться,
Чтоб посмотреть на нас издалека.

Что ж, уплывайте, призраки небес,
Игрушки ветра, в зареве заката,
Как паруса печального фрегата,
Что из мечты разбившейся воскрес.

Ожидание

Ты, наверное, ждешь.
Остановка, окон мокрые стекла.
Светофор, расплывчатый, блеклый
На перроне дождь.

Силуэты, зонты.
Люди вдоль поезда топчут лужи.
Ну и слякоть! Бывает ли хуже?
Лица, руки, цветы.

Свет во мгле суеты:
Поступь быстрая, невесомая,
И глаза такие знакомые —
Это ты.

* * *

Вейте, ветры, тише —
Город смотрит сны.
Катится по крыше
Желтый диск луны.
И когда до края
Самого дойдет,
Ярко догорая,
Сверху упадет.
В лунных бликах руки,
Окна в дымке слез, —
Это не от скуки,
Это все всерьез.
Искорки играют
В паре светлых глаз.
Чудная такая
Ночь с тобой у нас.
В локонах застыла
Поздняя звезда...
Вправду ль это было?
Будет ли когда?

Осень. Утро. Стужа.
Стоя у окна,
Вижу: тонет в луже
Бледная звезда.

* * *

Свет в окошке, свет в окошке!
Погори еще немножко.
В мерзлых стеклах силуэт.
Вот он есть, и сразу — нет.

Помрачнели зданий лики,
Лишь в глазницах светлы блики.
Месяц, месяц, ясный мой,
Может, мне пора домой?

Сон Дали

На пике странного видения
Прыжок двух тигров в унисон —
Так на пороге пробуждения
Полет пчелы рождает сон,

Гранат рассыпчатый трещит, но
Треск переводит в рев и вой,
Нагое тело беззащитно
Перед пронзающей иглой.

Страшны клыки и когти остры,
А в розовеющей дали
Бредет один из дивных монстров,
Рожденных разумом Дали.

Сентябрь. Закат

Бульвар Монмартр в Париже.
К бумаге тихо тянется перо.
Отель. Балкон. Бульвар с него я вижу
Почти таким же, как у Писсаро.

Хотя у Писсаро позднее осень,
Желтей деревья, реже их наряд.
И не авто, а фазтон уносит
Кого-то, соблюдая правый ряд.

Чуть облачней, и солнце явно выше.
Оно уже за крыши не зайдет.
Читает пешеход одну афишу
Сто первый год.

А над моим балконом небо гаснет,
Внизу Монмартр включает фонари,
Его ко сну склоняет ночь напрасно.
Он не замрет, не стихнет до зари.

У фотографа

К ней зайти, конечно, стоит.
Труд свой творческий любя,
Хочешь — сидя, хочешь — стоя,
Снимет девушка тебя.
Чтя торжественность момента,
Слева, справа подойдет,
Очень точно для клиента
Позу нужную найдет.
Черной ткани край откинёт,
Легким жестом взгляд маня,
И в глазах твоих застынет
Вспышка белого огня.

* * *

За чисто вымытым окошком
Присел пушистый воробей.
К нему крадется тихо кошка:
Чуть-чуть левей. Теперь правей.

Но не спешит скрываться птица.
Пусть время бегства истекло,
Пернатый кошки не боится —
Надежны рама и стекло.

Бабочка

Я поймаю бабочку в лесу,
Где течет ручей, поющий звонко,
Бережно до дома донесу
И проткну насквозь иглою тонкой.

Крылья ей расправлю, засушу,
Яркую, с оранжевым узором,
Помещу под пленку, подпишу,
Чтоб во всей красе предстала взору.

Ей потом, конечно, не летать,
Где играет ветер с гибкой ивой,
Но она не сможет перестать
Быть, как прежде, сказочно красивой.

* * *

Я сегодня отчетливо слышу
Потаенную музыку лир —
То не ветер деревья колышет,
А блаженство нисходит на мир.

Тихо солнце вдали закатилось,
Приуныли на миг небеса,
Робко смотрит ночное светило
На зубчатые тени-леса.

К горизонту склонившийся вечер
Мед заката уже долакал,
И плывут первым звездам навстречу
Фиолетовые облака.

* * *

Днем весенним, белым-белым,
Не по времени холодным,
Ты с ладошки кормишь белок,
Боязливых, но голодных.

Подкрепиться белкам надо,
С веток вниз они сползают,
Ты зверькам по-детски рада,
Только пальцы замерзают.

За час до рассвета

Померкли светила.
За час до рассвета
Тоска откатилась
И сгинула где-то.

И тихо так стало,
Спокойно и ясно,
Лишь муза металась
Во мгле — не напрасно.

За час до рассвета
Я понял: все просто,
Не надо ответа —
Довольно вопроса.

* * *

Сквозь день весенний ты бредешь.
Так ярки краски. Гулки звуки.
Деревья тянут к небу руки
И ловят ими теплый дождь.

И пахнет свежая листва
Слегка пьянящим липким соком.
Тебе уже не одиноко,
Лишь чуть кружится голова.

Порой из облачных щелей
Небесный свет сочится зыбко,
И с каждой солнечной улыбкой
Душе становится светлей.

* * *

Жизнь порой неистово любила,
А порой безжалостно лгала,
Изгалялась, пестовала, била,
Словом, обходилась, как могла.

Мы самих себя давно изжили
В беспросветных суетных делах,
И иные головы сложили
За набор стандартных бранных благ.

Но из прорвы канувшего в Лету
Яркой вспышкой видится во мгле:
Старый снимок в рамке, краски лета
И букет фиалок на столе.

* * *

Иней на травах тает. Ярчает зелень.
Первые листья, падая,
 льнут к асфальту.
Осень берез касается еле-еле,
В крошево малахита
 вкрапляя смальту.

Солнце обводит парк
 полусонным взглядом
Вплоть до реки,
 а дальше пространство голо.
Тонкими лапками,
 с огненной клумбой рядом,
Чертит в песке узоры
 снующий голубь.

Душу бодрят зеленые закоулки,
Утро такое выдалось не напрасно,
И, каблучками стук издавая гулкий,
Тает в аллеях девушка
 в шарфе красном.

IV • «Из клубящейся тьмы донеслись голоса...»

* * *

Грейдер счищает снег.
Вместе с ним — следы
Птиц, человека, собаки,
а может, — кошки,
Рыскавшей, чтоб найти
хоть чуть-чуть еды.
Легче пернатым —
они подбирали крошки.

Беглый набросок событий
былого дня
Счищен до грунта,
но все повторится снова:
Следом за грейдером снег,
белизной маня,
Густо ложится —
и полотно готово.

Кандидат в депутаты

Кандидат в депутаты не брат
Кандидату такому же точно,
Потому что любой из них рад
Занять кресло желанное прочно.

Кандидат кандидату не друг.
Часто вижу угрюмые лица я
На листовках. И кажется вдруг:
Это те, кого ищет милиция.

Кандидат не товарищ тому,
Кто ему не товарищ по партии.
И, наверно, у нас потому
Вызывает он грусть и апатию.

* * *

Слышишь, в поле, что есть силы,
Ветры злобные поют,
Ничего не бойся, милый, —
Все равно тебя убьют.

Видишь, в небе свечи ставят,
И закат устал алеть,
Все равно тебя заставят
Боль и страх преодолеть.

Все равно пойдешь дорогой,
Предначертанной судьбой.
Одного проси у Бога:
Силы-воли быть собой.

Яркий месяц, в тучах скройся.
Душу грей, ночной уют.
Никого, родной, не бойся —
Все равно тебя убьют.

* * *

Тихий вечер января,
Кормит мальчик сизаря,
Пышный кедр на берегу
Весь в снегу.

Скоро парк накроет тень,
И умчится зимний день,
Так уходят и года
В никуда.

Плавню крышку открутив,
Я настрою объектив,
Щелкнет старый друг и брат
Аппарат.

Он меня не подведет,
Десять, двадцать лет пройдет,
Я открою свой альбом,
Ну, а в нем:

В небе яркая заря,
Кормит мальчик сизаря —
Этот миг и кедр в снегу
Сберегу.

Оглавление

Вл. Рогачов. Свет во мгле суеты 4

I. На «полотне холодного простора...»

«Звезды над Пимом...» 18

Осень на Тром-Агане 19

Белая ночь 20

Поздняя 21

Ранней весной 22

Буря 23

«Вечер солнце закатил...» 24

«Окно приотворю:

так воздух свеж...» 25

Морозной ночью 26

Метель 27

Закат 28

На Югане 29 ✓

С холма 30

Зима в Лянторе 31

Сумерки 32

Весна 33

На рыбалке 34

Натюрморты 35

Югра. Времена года 36

Лето 38

«Еще горят на храме купола...» 39

II. «В деревне выросла церквушка...»

Освоители 42

«Вторую ночь не пишется,
не спится...» 44

«По равнине белой тянутся...» 46

«Так холодно, что лучше не вставать...»	47
На вокзале	49
Отъезд	50
«Частые дробные звуки...»	51
Раздумье	52
Встреча в горах	53
Потоп	55
«Полная луна царит над миром...»	56
Охота на собак	58
Новогоднее	61
«Меняя облик матери-Земли...»	63
«Сколько ж нам учиться, чтобы видеть...»	64
«Свою звезду на темном небосводе...»	65
«Обретя земли два метра...»	66
«Суровы нравы северной зимы...»	67
«Сколько написали вы, поэты!..»	68
«В деревне выросла церквушка...»	69
Последний день	70

III. «Жизнь порой неистово любила...»

«Твой маленький портрет...»	74
«Серп, закатом обожженный...»	75
Воспоминание	77
«В моем доме, в погребке — мыши...»	79
Утро	80
Драма	81
«За горизонт уходят облака...»	82
Ожидание	83
«Вейте, ветры, тише...»	84
«Свет в окошке, свет в окошке!..»	86

Сон Дали	87
Сентябрь. Закат	88
У фотографа	89
Сургутской Авроре	90
«За чисто вымытым окошком...»	91
Бабочка	92
«Я сегодня отчетливо слышу...»	93
«Днем весенним, белым-белым...»	94
За час до рассвета	95
«Сквозь день весенний ты бредешь...»	96
«Жизнь порой неистово любила...»	97
«Иней на травах тает. Ярчает зелень...»	98
«Уходит век. В разгромленной стране...»	99

IV. «Из клубящейся тьмы донеслись голоса...»

«Грейдер счищает снег...»	102
Кандидат в депутаты	103
«Слышишь, в поле, что есть силы...»	104
«Тихий вечер января...»	105
«Между бурых болот запутала тропа...»	107

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич

За час до рассвета
Книга стихов

Операторы ПЭВМ А. Володин, Н. Нохрина
Корректор М. Кремлева

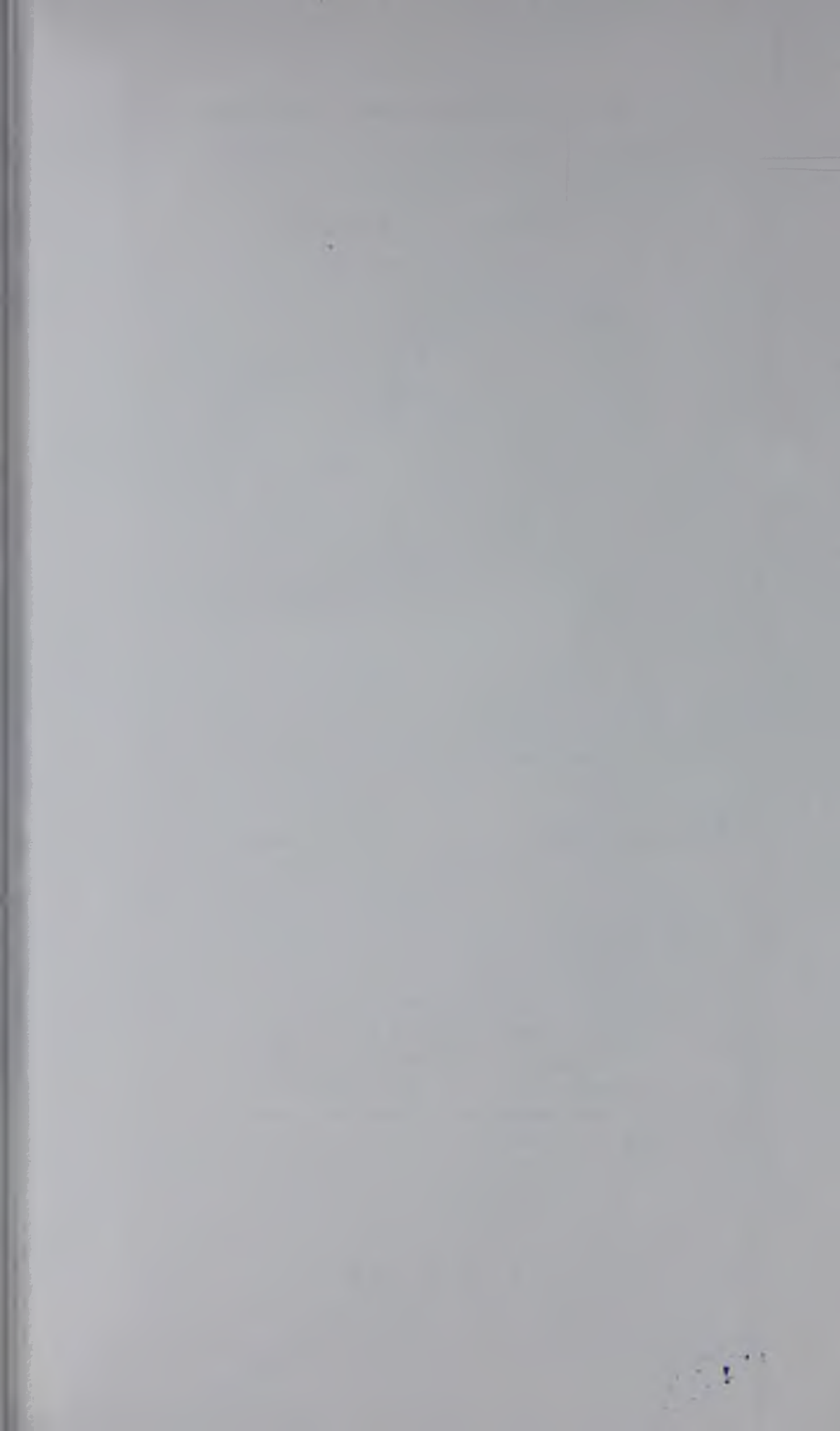
Предприниматель Мандрика Ю. Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

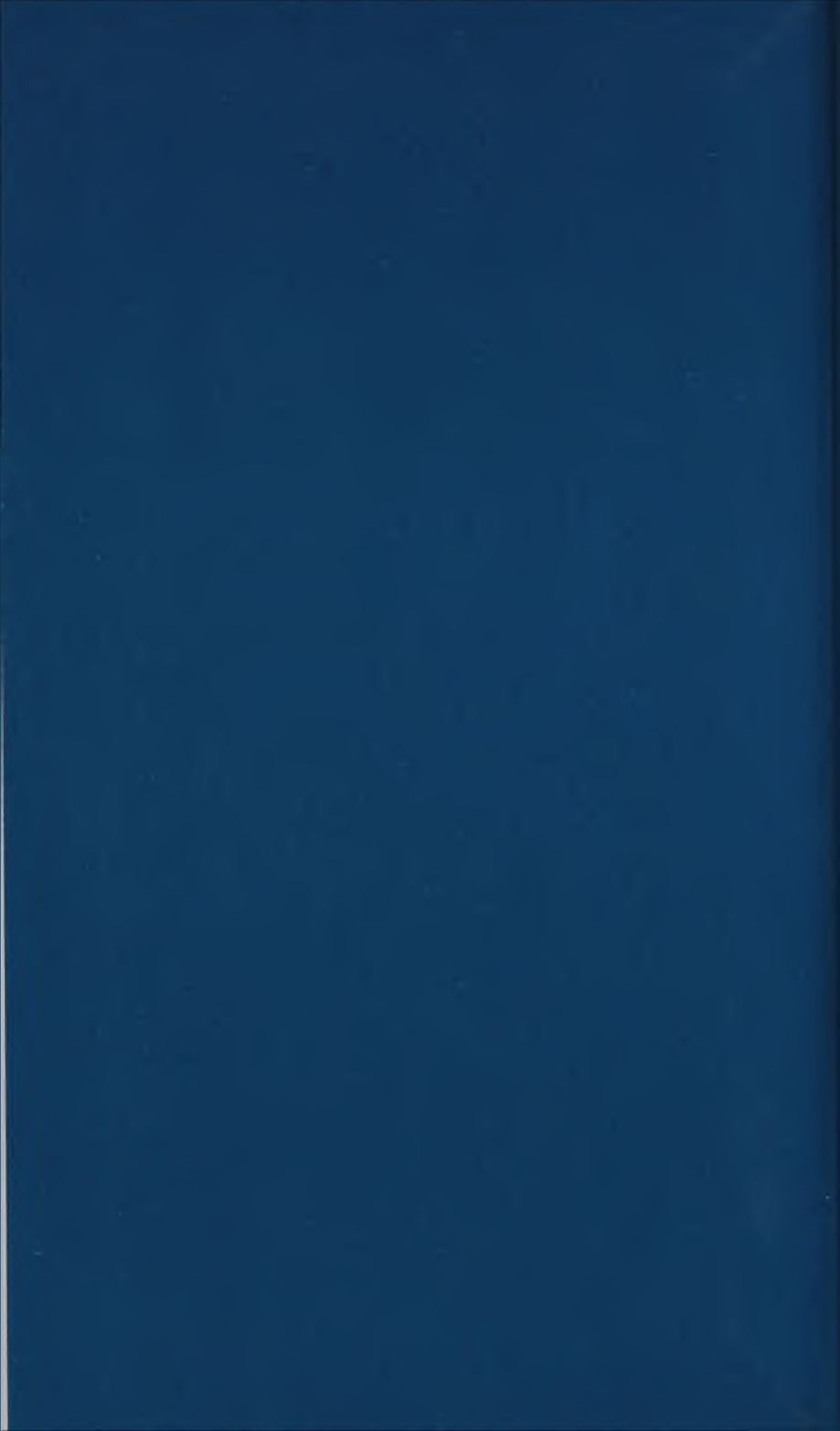
Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (3452) 25-12-84.
e-mail: mandrika@sbtх.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/-mandrika>

Сдано в набор 10.08.2001.
Подписано в печать 14.11.2001 г.
Формат 75x90/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. 4,37. Тираж 1000. Заказ №3578.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

028

97982004

Окружная библиотека

80.00